

— первая среди лучших —

Татьяна Устинова – первая среди лучших! Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори "Всегда"
С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!
Шекспир мне друг, но истина дороже
Вселенский заговор
Вечное свидание
Ждите неожиданного

ТАТЬЯНА Устинова

Вечное свидание
Ждите неожиданно

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Оформление серии *С. Груздева*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Вечное свидание ; Ждите неожиданного : [романы] / Татьяна Устинова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-699-94456-9

«Вечное свидание»

После истории с убийством Маруся отправляется в отпуск — на дачу к тетке. Гриша решает поехать с ней. И все вроде бы хорошо, но два обстоятельства омрачают Марусин отдых: Гриша не обращает на нее никакого внимания, зато с усердием чинит заборы и старые мотоциклы, и вздорный сосед, то и дело затевающий скандалы с теткой, и со всеми окружающими. Валерик действует дачникам на нервы, кто-то грозит сдать его в полицию и кто-то — хорошенько отмутузить, но одним прекрасным утром Валерик оказывается... убитым. Кому из соседей на самом деле могло прийти в голову расправиться со скандалистом, да еще таким радикальным способом?.. Гриша и Маруся пытаются это выяснить. Подозрение участкового падает на Гришу, а этого просто не может быть, и нужно спасти и защитить его — так думает Маруся и сама попадает в ловушку, которая грозит ей неминуемой гибелью...

«Ждите неожиданного»

Никогда нельзя предположить, чем кончится путешествие... Таша отправляется в свой последний отпуск на теплоходе по Волге в твердой уверенности: она больше никогда не увидит синюю реку, белые облака, зеленые берега. Она дает себе обещание: никто не посмеет испортить ее путешествие... Однако почти сразу все идет наперекосяк. За кем следит светская красавица Ксения Новицкая? Что замышляет блогер Богдан? И кто такие закадычные друзья Степан Петрович и Владимир Иванович? В первый же вечер за бортом оказываются человек и собака, Таша храбро и безрассудно кидается за ними. И это только начало странных и зловещих событий. У старухи Розалии Карловны пропадает чемодан с драгоценностями, следом убивают судового доктора. Таше кажется страшно важным разобраться в происходящем — чтобы жить дальше. На помощь ей приходит Степан Петрович. Он нежно ухаживает за ней, и вдруг становится ясно: нет никакого вселенского одиночества, она больше не одна — рядом замечательные люди, и со всех сторон ее защищает любовь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94456-9

© Устинова Т.В., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Вечное свидание

Маруся распахнула обе створки окна, пристроила локти на подоконник и подпёрла руками щёки.

Хорошо!.. Лето хоть и закончилось почти, но всё равно солнышко припекает, пахнет укропом — судя по всему, тётя Лида собирается сегодня помидоры закатывать, — у соседей музыка играет, негромкая, мелодичная, где-то ветки жгут, дымком тянет.

На скамейке под окном стояла корзина с яблоками, сверху был пристроен пыльный кабачок. Маруся перевесилась из окна, громко засопела от неудобного положения, покопалась в корзине, выбрала яблоко получше. Угнездилась на подоконнике с ногами — романтическим образом, — подумала, с какой стороны приняться, и надкусила. Яблоко оказалось сочным, хрустким, сок потёк по подбородку. Такие яблоки бывают только в августе или в начале сентября. Ни ранние — мягкие, слабые, с рыхлой мякотью, ни поздние — крепкие, твёрдые, как будто суховатые, с этими, августовскими, не сравнятся!..

Маруся жевала яблоко и любовалась тётиним садом. Лидия Витальевна очень любила цветы, но сажала их не как все — на клумбах, — а прямо в траву. Получалось очень красиво!.. Зелёная лужайка, а посередине вдруг островок жёлтых роз, дальше георгины на высоких и твёрдых ногах, а за ними астры — краски, как на картинах импрессионистов, и ещё какие-то розовые цветы, которые тётя называла «разбитое сердце». Они и вправду были похожи на розовые сердечки. В университете, где Маруся преподавала французский язык,

девчонки наклеивали на тетрадки точно такие сердечки, только непременно блестящие.

— Встала? — прокричала откуда-то тётя Лида. — Наконец-то! Умывайся, завтракай и выходи!.. Я укроп срезаю, сегодня будем помидоры закрывать.

Маруся вздохнула. Ей не хотелось закрывать помидоры.

Она со всех сторон оглядела остатки яблока, подумала и огрызок тоже сжевала. Во рту стало горько от коричневых блестящих косточек. Так вкусно бывает иногда съесть яблоко вместе с огрызком!

— Отец обещал приехать, — продолжала невидимая тётя. — Ты ему не звонила, будет он?..

— Звонила, — ответила Маруся себе под нос. — Он меня отчитал за то, что я не постирала шторы и теперь дома пылица! А я постирала. Просто у нас всегда пылица.

— Что ты там бормочешь?

— Ничего! — громко сказала Маруся в сторону кустов смородины. — Тётя, а Гриша встал?

— Гриша твой уже давно в Егорьевск уехал за досками.

— Никакой он не мой, — опять себе под нос пробормотала Маруся.

— А?! Громче говори, тут не слышно! Завёл мотоцикл-ку свою и уехал! Ты у нас одна здорова спать!

Гриша увязался в отпуск за ней, и теперь тётя то и дело попрекала Марусю!.. Гриша то, Гриша сё!.. Он такой деловой да хваткий, а тебе бы только в гамаке валяться! Маруся никак не могла взять в толк, что такое с Гришей случилось!.. Страстью к хозяйственным работам он вроде бы никогда не отличался, а тут вдруг отличился! На весь день находил себе занятия, Маруся его и не видела совсем! То он колодец чистит, то погреб проветривает, а сначала вытаскивает оттуда бочки и ящики, то вдруг взялся колотить загородку для компоста. Тётя Лида всё стенала, что у неё пропадает великолепное «натуральное» удобрение — картофельные очистки, огуречная ботва, гнилые помидоры, капустные листья, скошенная трава, труха, остающаяся после чистки грибов, и прочее, — а из всего этого вышел бы отличный перегной. Гриша выразил готовность сей-

час же соорудить ящик для «отличного перегноя», и пожалуйста — укатил в Егорьевск!.. А до него неблизко, значит, придет не скоро.

...Вот тебе и друг детства! Маруся-то надеялась, он специально поехал, чтобы она не скучала на даче, а он, оказываясь, поехал, чтобы ящики колотить и грядки копать!..

Ещё она немного надеялась на... романтическую историю, пусть это и смешно: друг детства и романтическая история несовместимы решительно, но у неё *никогда не было* вовсе никаких таких историй, и хотелось хоть какую-нибудь малюсенькую, кособокую, хоть бы и с другом детства. Тем более что лучшая подруга Даша выходит замуж и прожужжала Марусе все уши, что, мол, пора, пора!..

Маруся и сама понимала, пора — двадцать четыре года, а дело ни с места, — но откуда же взять кавалеров, если нету их?! Нет, и всё тут! Те, что нравились Марусе, не обращали на неё никакого внимания. Те, которые время от времени предлагали ей свидания, были сомнительны и, с её точки зрения, никуда не годились, что уж говорить о папе!.. С его точки зрения, ни один кавалер не достоин Маруси, не родился ещё достойный. Отец мог вынести только Гришино присутствие в жизни дочери, да и то только потому, что Гриша был «порядочный» — инженер, аспирантуру окончил, денег никаких, зато благородная работа в научном институте. Кроме того, Гриша присутствовал в Марусиной жизни с рождения, и даже папа-ретроград понимал, что друг детства не опасен для дочки.

Маруся сердито вздохнула и затопала босыми пятками по чистым доскам пола. Решено было в отпуске ни о чём таком — неприятном или невозможном, например, о женихах или о том, чтоб зарплату прибавили, — не думать, но думать то и дело!..

В тесной кухоньке, где готовили в основном зимой или когда надолго зарядили дожди, а в хорошую погоду только на улице, Маруся налила себе в пиалу простокваши, взяла горсть вишен из кастрюли, пересчитала отмытые до блеска трёхлитровые банки — их оказалось двадцать семь, — сразу соскучилась, вышла в сад и уселась на лавочку. Съела

вишню, выплюнула косточку и пересела в качалку, так, чтобы видеть лес за штакетником.

Когда делили участки и тянули жребий, дедушке достался самый плохой — у кромки леса, и бабушка потом долго убивалась, зачем она сорок лет назад вышла за дедушку замуж, если он такой неприспособленный, даже участок нормальный не может обеспечить! Прошли годы, и оказалось, что их участок — самый лучший, самый прекрасный. Двумя сторонами участок глядел в лес, сразу за забором начинались берёзы, высокая трава, в которой качались жёлто-фиолетовые соцветия иван-да-марьи, попадалась земляника, и с июня начинались белые грибы, по одному-два, но набрать на суп, самый первый, самый вкусный, можно было всегда. За берёзами невысокая горюшка, на которой стояла деревня, сваливалась в лес, и тропинка выбегала к речке Северке, очень быстрой и даже в июле совершенно ледяной. Гриша каждое утро бегал купаться, а Маруся ленилась и за пять дней ещё ни разу не сходила.

Маруся ела простоквашу и вишни, смотрела, как качаются берёзы, слушала, как они шумят — с едва уловимым металлическим брюзжанием, — думала, что вот и кончилось лето!.. А она и не заметила. Тёплые дни наверняка последние, и эта вишня тоже последняя, поздняя, следующей ждать и ждать целую осень, зиму и весну ждать.

... Всё время приходится чего-то ждать: следующего лета, прибавки к зарплате, большой любви. Всё время получается, что самое настоящее впереди, а нынешнее — так, ожидание, бессмысленное, как сидение в очереди. Всё время получается так, что, когда будущее становится настоящим, оно оборачивается ненастоящим, и нужно снова сидеть и ждать — Нового года, интересной работы, большой любви...

Маруся нахмурилась. Решено было в отпуске ни о чём таком не думать, а думалось всё время, и отпуск вот-вот кончится, а она ещё ни разу не сходила на речку!..

За углом дома заговорили громко, раздражённо, и Маруся поняла, что явился Валерик, сосед, с которым тётя то и дело ссорилась. С Валериком постоянно ссорилась вся деревня.

...Когда-то эти участки были деревней, потом из неё все уехали — кто в Москву, кто в Егорьевск и Воскресенск, — а землю раздали дачникам. Марусе нравилось, что у них дача в деревне, а не в садовом кооперативе посреди чистого поля!..

— А я тебе сказал, снимай! — кричали из-за угла. — Или я сам кран вызову, они живо откроют!

— Да угомонишься ты когда-нибудь или нет?! — возражала Лидия Витальевна тоже очень активно. — Сколько раз сказано, я плачу! Плачу я за свет!.. И за этот тоже!..

Маруся поставила пиалу в траву, поднялась и пошла спасать тётю от нашествия татарского ига.

У забора тётя Лида в бейсболке, мятой майке и обрезанных по колено джинсах потрясала укропным венником перед носом плотного моложавого мужика, грудью налегавшего на штакетник. Казалось, ещё чуть-чуть, и под его весом забор завалится. Мужик пылал от негодования и был красен как рак.

Саня, деревенский оболтус, слезши с велосипеда, наблюдал с той стороны улицы, но не приближался.

— Я ещё когда говорил, чтобы ты эту фиговину свою отвинтила! — надавал Валерик.

— Да иди ты к чёрту, — энергично отвечала тётя Лида, — у меня без фонаря на участке темень хоть глаза выколи!

— А мне плевать, чего у тебя на участке. — Мужик ещё сильнее навалился на забор. — Я за твой фонарь должен платить?! Я?!

— Тётя! — окликнула Маруся негромко. Лидия Витальевна оглянулась и махнула на неё рукой — уходи, мол, не встравай — и продолжала перепалку:

— Да ты глаза-то свои разуй, посмотри, куда кабель идёт! В дом он идёт, вон изоляторы белые! К счётчику идёт! Не воруя я электричество!..

— А откуда я знаю! Может, он фальшивый!

— Кто фальшивый?!

— Кабель этот твой! Может, он для виду сделан, а не по-настоящему!

— Да ты с ума, что ль, сошёл совсем?! Фальшивый! Зайди и посмотри!

— Не стану я смотреть! А фонарь твой завтра скручу и вон в овраг кину! Так и знай!

— Да я на тебя заявление напишу за хулиганство!

— А это пожалуйста! Это сколько угодно! На меня кто только не писал, а теперь они все знаешь где, знаешь?! Вот тебе, а не заявление! — гаркнул Валерик и сунул тёте Лиде под нос здоровенную фигу. — Карга старая, курица драная! Мозга нету, а туда же, заявление она напишет! Климакс у тебя? Таблетки принимай, а то в одном месте свербит небось!..

Тётя размахнулась — Маруся взвизгнула и кинулась к ней — и хлестанула Валерика укропным веником, сначала справа налево, а потом слева направо. Сухой укропный зонтик зацепился за Валеркино ухо и повис, семечки обсыпали его потную физиономию, он взвыл, кинулся на забор и схватил Лидию за волосы.

Маруся подскочила и стала толкать его в плечи. Валерик не сдавался, Лида молча боролась, а племянница вопила:

— Отстань от неё!! Отстань сейчас же! Уходи! Пошёл вон!..

На дороге неожиданно громко засигналила машина, Валерик выпустил тётю Лиду, Маруся сильно его толкнула, он сделал шаг назад и неловко сел в куст шиповника.

Машина проехала мимо.

— Звони участковому, — велела Марусе тётя, тяжело дыша. — Хулиганство и разбой! Звони немедленно!

Маруся выхватила из кармана телефон и стала в него тыкать. Она так перепугалась, что руки тряслись.

— Ну, ты попомнишь, — пригрозил Валерик и выбрался из куста. — Ты у меня, Лидка, в ногах валяться будешь! Сожгу! — заорал он уже с дороги. — Спалю, к чёртовой матери!..

— Давай, давай отсюда! Негодяй, подонок, — пробормотала Лидия Витальевна, подхватила с травы бейсболку, нахлобучила и сморщилась: — Должно быть, полголовы волос выдрал, придурок!..

— Тётя, я не знаю, как звонить участковому, — спохватилась Маруся.

— Да не надо никому звонить, — сказала Лида, морщась. — Он сейчас проорался, теперь недели на три отстаёт. Ах, паразит!..

— Да, но так нельзя, он же на тебя... напал!

— Да ничего он не напал, подумаешь, за волосы схватил! Что он может, участковый? Беседу провести? Не станет он никаких бесед проводить, у него других дел навалом! Вон на переезде таксисты с маршруточниками подрались, и все как один эти... гости с юга!.. Где участковому наши дрызги разбирать...

Тётя Лида оглядела свой веник, сняла с забора застрявший пучок укропа, вздохнула и покачала головой:

— Такой характер поганый, — сказала она задумчиво. — Никому житья не даёт! Фонарь наш ему мешает, электричество мы ворует, видите ли! Как же! Всё через счётчик идёт, а ему неймётся, паразиту!.. Пацанов с поля разогнал, они там в футбол всё лето гоняли, нет, втемяшилось ему, что шумят очень и пыль от них!.. Да ладно бы просто разогнал, так он с ворот сетку срезал! А сетку Прокопенко на свои деньги покупал, он мужик серьёзный, не то что Валерик, пустобрёх!..

— Да кто он такой, Валерик этот?

— А шут его знает. Они и не ездят сюда почти. А как придут, так сразу свары у нас начинаются. Жена-то только на выходные бывает, а он тут торчит, всех жизни учит!.. Шлагбаум какой-то собирается ставить, чтоб по дороге проезда не было, мол, мимо его участка все машины идут, выхлопные газы, для здоровья вредно. Нет, ты можешь себе представить?! Из Москвы приезжает, и здесь ему — газы! И сидел бы себе в Москве, там небось никаких газов нету!..

— У тебя с той стороны волосы вырваны!.. — ужаснулась Маруся.

Лида потрогала голову и опять сморщилась — больно.

— А может, и напишу заявление, — вдруг вспылила она. — До чего дошло, рукоприкладство, да ещё оскорбления!

Маруся негодовала изо всех сил, сочувствовала тётке и очень убедительно говорила, что нужно непременно обратиться в полицию, так это нельзя оставить. Попутно она

сердилась на Гришу, который уехал и не знает, что на них тут напали.

Хотя... с другой стороны... если вдуматься... Гриша вряд ли смог бы помочь. Он человек мирный, интеллигентный, в очках. Несколько трусоват. Ну, стоял бы рядом и повторял: «Прекратите безобразия!» И она, Маруся, в нём бы окончательно разочаровалась. Пока ещё не окончательно, в смысле, компостного ящика вместо романтических прогулок, а после сцены с Валериком наверняка разочаровалась бы по-настоящему.

Конечно, он очень помог ей, когда она решала головоломную задачу, связанную со странной смертью странного человека в планетарии — этот человек умер почти у неё на глазах, — но впоследствии все её ожидания и надежды потерпели крах. Гриша, уже почти было ставший её героем, как-то сдулся, вроде резинового тигра Васьки, с которым они в детстве плавали в Северке, и сколько его ни заклеивали, он всё равно сдувался моментально. А Марусе очень хотелось... героя. Не придуманного, не слепленного из разных — хорош, как артист, умён, как писатель, шутив, как телевизионный ведущий, — а подлинного, натурального, чтобы всё в одном, и этим одним-единственным чтобы можно было гордиться!..

Подавая тёте Лиде длинненькие крепенькие помидорчики, которая та сосредоточенно упихивала в блестящую банку, Маруся громко вздыхала — специально громко, чтобы тётя спросила, о чём она вздыхает.

Лида долго не спрашивала.

Рассол перекипал в большой кастрюле, пахло уксусом, укропом, смородиновым листом. Уже готовые закатанные банки стояли вверх дном вдоль стены, и ещё пустые громоздились на столе под чистым полотенцем, а Маруся всё вздыхала.

— Ты не огорчайся, — в конце концов сказала тётя Лида. — Я понимаю, Валерик кому хочешь настроение испортит! Ты, главное, не бойся его. Станет приставать, сразу мне скажи или Грише своему.

— Никакой он не мой, — перебила Маруся. — Тётя, а почему ты замуж не вышла?

— Я?.. — удивилась Лидия Витальевна. — Ну ты спросила!.. Не получилось у меня, вот и все дела.

— А почему у тебя не получилось?

— Ох ты, господи. Не знаю. Не у всех получается. Сначала мне никто не нравился...

...Мне тоже никто не нравится, быстро подумала Маруся.

— ...а потом уж и я никому не нравилась.

— Ну почему, почему? Ты же симпатичная! Ты всё умеешь! Я вот даже кашу варить не умею, а ты — всё! Даже баню сама топишь!

— Кашу варить я тебя научу, а замуж берут не за то, что баню умеешь топить, — тётя как следует утрамбовала очередной слой помидоров, — а потому что любят. А когда любят, не имеет значения, умеешь ты кашу варить или, может, стихи писать! Когда любят, ничего не имеет значения. Ну, по крайней мере, так принято считать.

— А тебя никто не любил? Совсем никто?..

Тётя поправила на голове косынку. Перед помидорами она туго повязала голову и Марусе велела тоже повязать.

— Наверное, никто, Марусенька, — сказала она и улыбнулась. — Раз так замуж и не взяли. А что такое, почему ты спрашиваешь? Замуж собралась?

— Меня тоже никто не берёт! — буркнула Маруся.

— Ты ещё молодая, девочка совсем! У тебя всё впереди.

— Да, впереди! Мне двадцать четыре года, а у меня никого нет!

— У тебя Гриша есть.

Маруся даже ногой топнула.

— Тётя! При чём здесь Гриша?! Мы с ним плавали на тигре в Северке! Помнишь, у нас такой надувной тигр был, его звали Васька? Он потом быстро порвался, потому что мы на него с берега прыгали!

— Помню, — сказала Лида и улыбнулась. Улыбалась она замечательно, нежно, лицо сразу становилось молодым, почти девичьим. — Гриша замечательный человек и...